

ELŻBIETA TYSZKOWSKA-KASPRZAK

<http://orcid.org/0000-0001-8297-0630>

Uniwersytet Wrocławski

**ДАЧА КАК МЕТАФОРА СОВЕТСКОГО БЫТА:
«ДАЧНЫЙ ГАБИТУС» В РОМАНЕ ЕЛЕНА ЧИЖОВОЙ *ПЛАНЕТА ГРИБОВ***DACHA AS A METAPHOR OF SOVIET LIFE: "HABITUS OF DACHA" IN ELENA CHIZHOVA'S NOVEL *THE MUSHROOM PLANET*

The article deals with the "habitus of dacha" in Elena Chizhova's novel *The Mushroom Planet*. Its bearers are characters whose personality was formed at a certain time under the influence of culture and actions associated with the Soviet dacha. "Habitus of dacha" in the work refers to two different historical periods: Soviet and post-Soviet. Its versions are used by Chizhova to reflect the most important problems and transformations in modern Russia. The image of the Soviet dacha, being a metaphor for life in the USSR, is gloomy and pessimistic, which is not typical of memories of childhood and youth. The post-Soviet dacha is a phenomenon that represents the economic and social processes of the transition to capitalism and the rejection of the legacy of socialism. An analysis of the novel *The Mushroom Planet* leads to the conclusion, that Chizhova's characters represent different ways of adapting to new economic and social conditions. The author gives her forecast for the future, leaving alive the character who is unable to get out of the "Sovietness".

Keywords: Elena Chizhova, Russian prose, "dacha," habitus, heterotopia

Дача как бытовой и культурный феномен частной, приватной жизни русских (русского быта) особенно интенсивно исследуется с 90-х годов XX века, свидетельство чему — работы как российских, так и зарубежных исследователей, представляющих разные отрасли гуманитарных и социальных наук¹. В русской литературе

¹ Ю.М. Лотман, *Камень и трава* (1992) // его же, *История и типология русской культуры*, «Искусство — СПб», Санкт-Петербург 2002, с. 320–324; В. Щукин, *Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе*, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków 1997; P. Deotto, *Петербургский дачный быт XIX в. как факт массовой культуры*, «Europa Orientalis» 1997, № 16, с. 357–372; ее же, *Дачная культура в Серебряном веке*, «Europa Orientalis» 2004, № 23; *Pietroburgo — capitale della cultura Russa / Петербург — столица русской культуры*, сост. А. д'Амелия, ч. II, с. 335–348; S. Lovell, *Summerfolk: A History*

образ дачи появился впервые в начале XIX века и с тех пор он встречается во многих произведениях различных эпох и течений². На рубеже XX и XXI веков неомиф дачи и дворянского гнезда представлен с помощью приемов постмодернистской поэтики (интертекстуальность, гротеск, абсурд, неоднозначность литературных образов, ирония, пастиш и др.). Созданный в такой манере, он присутствует, например, в романах Михаила Шишкина *Записки Ларионова* (1993), Владимира Сорокина *Роман* (1994), Павла Крусанова *Укус ангела* (2000), Виктора Пелевина *t* (2009), в пьесе Людмилы Улицкой *Русское варенье* (2003) — произведениях, в которых представлена деконструкция данного неомифа. В постпостмодернистскую эпоху, в свою очередь, когда намечается возвращение к традиционным формам, топос дачи появляется в таких литературных текстах, как романы Елены Чижовой *Планета грибов* (2014) и Евгения Водолазкина *Авиатор* (2016)³. Статья будет посвящена анализу образа дачи как метафоры советского быта в названном произведении Чижовой.

Вслед за Ольгой Богдановой я предлагаю рассматривать дачу не только как территорию, но и как место, где складываются традиции, проявляются культурные практики и общественные отношения. Такой подход позволяет использовать для определения объекта исследования термин «гетеротопия», введенный Мишелем Фуко для обозначения пространства, которое, в отличие от фиктивных мест, реально, в связи с чем характеризуется особыми взаимоотношениями между пространством и временем. Гетеротопии свойственно и субъективное ее понимание⁴. Как отметила Ольга Зубова:

of the Dacha 1710–2000, Cornell University Press, Ithaca 2003; А. Конечный, *Петербургские дачи*, «Антропологический форум» 2005, № 3, с. 444–474; М. Rumjanzewa, *Auf der Datscha: eine kleine Kulturgeschichte und ein Lesebuch*, Dorlemann, Zurich 2009; М. L. Caldwell, *Dacha Idylls. Living Organically in Russia's Countryside*, University of California Press, Berkeley 2010; О. Богданова, *Усадьба и дача в русской литературе XIX — XXI вв. Топика — динамика — мифология*, ИМЛИ РАН, Москва 2019 и др.

² В. Шукин, *Миф дворянского гнезда...*, с. 216.

³ В таком традиционном стиле представлен топос дачи во многих рассказах Татьяны Толстой 80-ых и 90-ых годов, напр. *На золотом крыльце сидели...*, *Свидание с птицей*, *Не называя фамилии*, *Вид из окна*.

⁴ М. Фуко, *Другие пространства // его же, Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*, ч. 3, перев. Б.М. Скуратов, Праксис, Москва 2006, с. 191–204; М. Фуко, *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук*, перев. В.П. Визгин, Н.С. Автономова, А-sad, Санкт-Петербург 1994.

В пространстве гетеротопии оказываются возможны социальные отношения, телесные практики и модели поведения, исключенные из нормального порядка повседневной жизни. Гетеротопии часто связаны с ритуализацией разрыва, травестированием обыденных норм. Общее между ними то, что, находясь там, человек может сказать — «я здесь, но меня здесь нет», или «я есть иной». Гетеротопиям также свойственны особые временные отношения — гетеротопии могут накапливать время, упразднять его, прерывать. Таким образом, гетеротопия представляет собой особого рода пространственно-временное единство, связанное с анализом субъективности⁵.

Также для нашего анализа оказываются полезными рассуждения Пьера Бурдьё о габитусе как о модели восприятия и действия, приобретенных индивидом в процессе социализации, когда он инкорпорирует способы мышления, действия и чувствования:

В силу обладания габитусом, т.е. вследствие инкорпорации, индивидуальный агент является коллективной индивидуальностью или индивидуальной коллективностью. Индивидуальность, субъективность есть социальность, коллективность. Габитус — это социализированная субъективность, историческое трансцендентальное, чьи категории восприятия и оценки (система предпочтений) суть продукт коллективной и индивидуальной истории⁶.

Опираясь на рассуждения Бурдьё, Богданова вводит определение «усадебный габитус». Его носителем является человек, личность которого сформировалась в определенное время под влиянием культуры, действий, связанных с определенным местом — усадьбой⁷. По аналогии с этим термином, думается, будет целесообразным применять в настоящей статье и термин «дачный габитус».

Дача еще в XIX веке стала особым явлением русской культуры — это не только место, но прежде всего образ жизни, с которым «был связан набор ритуалов, форм общения, культурных ценностей и схем поведения»⁸. Татьяна Цивьян в работе о специфике дачи формулирует тезис о том, что дача не только место летнего отдыха, но и один из элементов национально-

⁵ О.В. Беззубова, *Гетеротопии городского пространства // Эстетика архитектуры и дизайна: Сборник статей*, Архитектура-С, Москва 2010, с. 28.

⁶ П. Бурдьё, *Социальное пространство: поля и практики*, перев. Н.А. Шматко, Алетейя, Санкт-Петербург 2014, с. 159.

⁷ Богданова, *Усадьба и дача в русской литературе...*, с. 11.

⁸ С. Ловелл, *Дачный текст в русской культуре XIX века*, «Вопросы литературы» 2003, № 3, с. 45.

го существования русских, важная составляющая «загадочной русской души», которая, в свою очередь, обозначает семиотическое конструирование «своего образа в противопоставлении чужому, т.е. русской модели мира»⁹. Именно этот аспект понимания «дачного габитуса» представлен в романе Елены Чижовой *Планета грибов*.

Действие романа развивается в течение недели в дачном поселке около Соснова на севере от Санкт-Петербурга. В этот довольно ограниченный промежуток времени два персонажа — неназванные он и она — проживают на соседних дачах. Сюжет охватывает два временных пласта: время действия — начало ХХI века, когда героям 47 лет, и, данное в ретроспективах, время их детства в советскую эпоху. Таким образом, «дачный габитус» относится в произведении к двум разным историческим периодам, и, следовательно, — к двум поколениям. Персонажи как в прошлом, так и в настоящее время принадлежат к разным слоям общества, что позволяет разносторонне представить феномен дачи в русском образе жизни. «Дачный габитус» — его варианты и изменения используется Чижовой для отражения важнейших проблем и трансформаций в современной России.

Как утверждает Григорий Стернин, к середине ХIХ века в дачном тексте можно заметить появление оценочной коннотации:

[...] образы дачи и «дачной жизни» [...] превратились в почти нарицательное обозначение пошлости, прозаизма действительности, ее непривлекательных гримас¹⁰.

Позже в пьесах Чехова появляются другие смысловые ассоциации: его дачники, принадлежавшие к культурной элите, могли создать свою собственную развитую модель загородного существования, привлекая, где нужно, традиции усадьбы, которая в это время была символом золотого века социальной гармонии, высокой культуры и подлинного сельского духа¹¹. В произведении Чижовой можно заметить отголоски этих двух образов «дачного габитуса», однако главными оказываются здесь изменения

⁹ Т.В. Цивьян, *Дача и дачники в русском представлении. Предварительные материалы*, <https://studylib.ru/doc/3975812/dacha---institut-mirovoj-kul-tury-mgu> (10.03.2022).

¹⁰ Г.Ю. Стернин, *Русская художественная культура второй половины ХIХ начала ХХ века*, Советский художник, Москва 1984, с. 199.

¹¹ С. Ловелл, *Дачный текст...*, с. 48.

в дачной жизни, вытекающие из исторических перемен конца XX — начала XXI веков. На основании сюжета романа можно реконструировать изменения не только в законах о земельных участках и постройках, т.е. в экономике страны, но также в менталитете дачников и, шире, — целого поколения.

Основными проблемами романа являются проблема памяти — родовой и исторической, а также своеобразной ментальности русских, сути так называемой «русской души» и их проявления в переходную эпоху конца XX века. Главные персонажи постоянно вспоминают детство и своих родителей, а конкретизации воспоминаний способствует пребывание в загородном доме, созданном родителями и связанном с семейной жизнью¹². По словам Цивьян, в советское время именно дача была единственным проявлением частной жизни, пространством, в котором человек мог проявить свою индивидуальность. Жанна Матюшина в работе о советской жизни также утверждает:

[...] дача — нечто гораздо большее, чем просто загородный дом. Это некое состояние души, параллельная действительность, что особенно ярко было выражено в советское время, когда дача олицетворяла собой, пожалуй, единственную (и уж точно наиважнейшую) частную собственность советского человека. Она была его Убежищем и, конечно, неистощимым источником самовыражения¹³.

«Дачный габитус» советского времени представлен ретроспективно, и существенно, что воспоминания героев содержат разные образы дачи. Это объясняется различием социального статуса персонажей; их социальным слоям свойствен особый тип личности и, соответственно, разные формы организации дачной деятельности.

Персонажи романа вспоминают конец 60-х — начало 70-х годов, когда строились дачные дома в поселке в окрестностях Соснова. Это была эпоха «дачного бума» — представители всех слоев городского населения стремились к приобретению дачи, чему способствовали некоторые изменения в процессе распределения земельных участков.

¹² См.: M. Halbwegs, *Spoleczne ramy pamieci*, перев. M. Król, PWN, Warszawa 1969, s. 231; T. Soldra-Gwiżdż, *Spoleczne ramy zbiorowej pamieci rodziny*, «Family Forum» 2013, № 3, с. 125.

¹³ Ж. Матюшина, *Дача* // А. Лебедев (ред.), *Vita sovietica. Неакадемический словарь — инвентарь советской цивилизации*, Август, Москва 2012, с. 61.

В романе изображены перемены в области законов о дачах и в отношении населения к загородным домам. На протяжении нескольких десятилетий XX века позиция властей по вопросу о дачах и садовых участках менялась: с одной стороны, было понятно, что участки помогают гражданам обеспечить себя сельскохозяйственной продукцией¹⁴, с другой, — в социалистическом обществе отрицательно воспринимался образ жизни, который вели собственники загородных владений, так как забота о частном имуществе отвлекала их от коллективного радения об общем деле построения «светлого будущего».

Во второй половине XX века постепенно ослабевали ограничения, введенные ранее с целью истребить такой пережиток буржуазной эпохи как частная собственность и индивидуальное пользование землей. В 60-е годы вышли постановления о помощи в организации коллективных садов и об отводе земель для садовых товариществ. Тогда наметился быстрый рост количества загородных землевладений, и пик этой волны пришелся на конец 1970-х годов¹⁵. Во времена правления Брежнева вла-

¹⁴ Эту роль дачных участков, подчеркиваемую большинством исследователей (напр., И. Чеховских, *Городские семейные стратегии в неформальной экономике: труд на даче*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук, Санкт-Петербург 2000.), отрицает Ольга Малинова-Тзиафета, утверждая, что «скорее всего, масштабный государственный проект был направлен на решение вопросов летнего отдыха, полезного досуга», но такой взгляд не учитывает, в свою очередь, исторического аспекта существования дач как садовых и огородных земельных участков, в начале лишенных жилых построек. См. О. Малинова-Тзиафета, *(Пост) советские дачи и дачники, воображаемые и реальные*, «Новое литературное обозрение» 2013, № 6 (124) https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/124_nlo_6_2013/article/10714/ (12.04.2022).

¹⁵ Изменения в правовом порядке, связанном с дачными участками, проследживает Анна Чикильдина: «С 60-х гг. XX века во время действия Гражданского кодекса РСФСР от 11 июня 1964 г. земля, ее недра, воды и леса все еще находились в исключительной собственности государства и предоставлялись только в пользование (ст. 95). Земельный кодекс РСФСР (ст. 74, 75) предусматривал, что земельные участки для ведения коллективного садоводства, огородничества предоставлялись из земель сельскохозяйственного назначения, земель запаса, лесного фонда или временно неиспользуемых земель промышленных, транспортных и иных несельскохозяйственных предприятий и организаций и учреждений. Причем, хотя участки и не предоставлялись в собственность, дачные и садовые строения могли продаваться гражданами». А.Ю. Чикильдина, *Гражданско-правовой режим дачных, садовых и огородных земельных участков*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук, ВолгЛград 2010, <https://refdb.ru/look/2741312-pall.html> (15.04.2022).

дельцам участков разрешалось строительство летних домиков, и в 1960-е годы оно становится «одним из видов жилищной кооперации»¹⁶.

В романе Чижовой процесс постройки дачи представлен в воспоминаниях протагониста: «Сорок лет назад здесь стоял лес. Военкомат Октябрьского района выделял землю под строительство. Называлось: кооператив ‘Октябрь’»¹⁷. В произведении подчеркиваются скромные возможности советских граждан в приобретении материалов для постройки: из-за дефицита строительных материалов и в целях финансовой экономии отец героя разыскивает доски на помойках:

В дело шли любые обрезки. Помойки в окрестностях городской квартиры отец обходил с ножовкой в руке. Распиливал, увязывал. Кряхтя, закидывал на спину, становясь похожим на сказочного лесника. С той только разницей, что в сказках лесники носили не обрезки досок, а охапки хвороста.

Такой способ добывания стройматериалов отображал общую тенденцию времени. Стивен Ловелл в монографии об истории русской дачи приводит высказывание на эту тему жильца одного из дачных поселков около Москвы:

[...] обычным делом было таскать кирпичи с городскихстроек или подбирать случайные куски дерева и доски (особенно ценной находкой считались дери) после сноса старых деревянных домов на окраинах города¹⁸.

Похоже описывается в романе обустройство дачного дома, куда в советское время «тащили весь хлам, ведь все могло приходиться в хозяйстве»¹⁹. Персонажи Чижовой тоже везут на загородный участок все, что им и их закомым уже не нужно. Герой помнит,

¹⁶ Чикильдина Анна Юрьевна, *История гражданско-правового регулирования отношений в сфере ведения садоводства, огородничества и дачного строительства* <http://domir.ru/rehkolovo/?file=sad-istoria.php> (12.04.2022).

¹⁷ Е. Чижова, *Планета грибов*, «Издательство АСТ», Москва 2014, <http://www.flibusta.site/b/375191/read> (15.04.2022). Дальше цитирую по тому же источнику.

¹⁸ С. Ловелл, *Дачники. История летнего жилья в России 1710–2000*, перев. Л.Г. Семенова, Академический проект Издательство ДНК, Санкт-Петербург 2008, с. 228.

¹⁹ В. Еремин, *Вспоминая СССР. Советские дачи*, <https://cont.ws/@eremin762/1295470> (10.04.2022).

ДАЧА КАК МЕТАФОРА СОВЕТСКОГО БЫТА...

как мать, радуясь всякому бесплатному обретению, убеждала дарителей, что данная вещь сгодится. Они обжились не сразу, это продолжалось много лет:

Из года в год, на случайных машинах, на своих плечах, на самодельных тележках, груженных так, что колесный след оставался даже на гравии, — все отходы долгого советского века: от металлических кроватей с шариками-набалдашниками до плоских чугунных сковородок.

Жизнь на даче обыкновенных советских граждан проходила в довольно скромных условиях: зачастую в доме не было водопровода, воду брали из колодцев, а для стоков была выгребная яма. Родители протагониста позаботились об удобствах, которыми никто из соседей не мог похвастаться: они обустроили в подвале ванную комнату. Герой многократно подчеркивает это исключительное свойство, даже роскошь доставшегося от родителей дома, несмотря на то, что ванная была очень неудобной, а ее оборудование — состарившимся, поскольку новым в этом доме оно никогда и не было; так, например, старую колонку для подогрева воды отец достал, когда в некоторых районах города переходили на центральное отопление. Колонка была доставлена в загородный дом не сразу, несколько лет ее держали на балконе, пока на помойке не нашлась старая ванна, и можно было отправить оба устройства одним транспортом.

Мебель и домашняя утварь, попадавшая на дачу, была не только немодной, но зачастую в какой-то степени поломанной. Писательница изображает такой способ обставлять дом с некоторой долей иронии, рисуя картину гостевой комнаты, оборудованной двумя старыми телевизорами, один из которых показывал только изображение, а второй — воспроизводил лишь звук, но что вместе давало возможность полного восприятия телевизионных передач. Такой подход к вещам приводит к заключению, что

У советских вещей — мафусаилов век. С этой точки зрения дача — тупик. Своего рода тот свет, откуда ничто не возвращается: ни стулья, ни кровати, ни сковородки. Вот только что они все-таки построили: рай или ад?

Риторический вопрос, завершающий этот вывод, связан с разным восприятием дачной жизни разными поколениями: то, что родителям казалось раем, сам герой ощущает как ад, ибо все

силы, старания и внимание его мать и отец уделяли не сыну, а загородному дому:

Остаток жизни положили на то, чтобы создать свой мир, ограниченный высоким забором. Их жизнь — иллюстрация пословицы о сыне, дереве и доме. Хотя подлинным сыном был не он, а этот дом. Точнее, все, что построено на участке: дощатое двухэтажное строение, кухня-временка, сарай, набитый дровами, туалет, торчащий внизу на отшибе, грядки, парник, плодовые деревья. В основе лежал великий замысел: ДОСТАТЬ и ДОСТАВИТЬ.

Постройка и обустройство загородного дома требовало от граждан много сил и времени. Не имевшие собственных машин дачники были вынуждены ехать туда на электричке, потом на автобусе или идти пешком, неся все, что сгодится, в одну сторону, а плоды и заготовки — обратно. На участке они тяжело работали в огороде и дома. Такое времяпрепровождение заставляет многих социологов, особенно иностранных, задаться вопросом, чем на самом деле было пребывание на даче: отдыхом или трудом, а если трудом, то откуда это стремление приобрести свои шесть соток за городом?

Как утверждает Александра Касаткина, суть дачной жизни — это именно сосуществование противоречий: романтического восхищения природой и утомительного труда в огороде, удовольствия и дискомфорта, способствующее как душевному, так и телесному удовлетворению²⁰. В романе *Планета грибов* «дачный габитус» приписан родителям героя, распространяется на целую их жизнь: почти все их действия нацелены на обустройство и процветание загородного дома и участка. Во время пребывания в городе они также заботятся о даче, собирают предметы, которые могут там пригодиться, все подоконники заставляют рассадой, в кладовке хранят удобрения. Протагонист констатирует, что городскую квартиру они превратили в «подсобное помещение».

Все эти заботы исходили не столько из необходимости героев прокормить семью, сколько из практичности, трудолюбия и эко-

²⁰ А.К. Касаткина, *Дачная идиллия Мелиссы Колдуэлл*. Рецензия на книгу: Melissa Caldwell. *Dacha Idylls. Living Organically in Russia's Countryside*. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 2011. 200 p. «Антропологический форум» 2012, № 16, с. 455, https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/016/16_reviews.pdf (20.04.2022).

номии²¹. Далеко не последним кажется фактор возможности индивидуального подхода граждан к участку и ощущения, что они являются полноценными хозяевами, создающими свой мир²², способными провести все процессы — с семян до заготовок — самостоятельно. Только в экстренной ситуации кризиса 90-х годов эти постоянные старания и труд, вложенные в содержание дачи, окупались родителям: когда продукцию на их заводах остановили, они сами

Весной уволились, уехали на дачу. До осени работали на участке, добываясь урожая, которым позавидовал бы сам Мичурин. Выпускали продукцию, за которую отвечали сами. Сотни банок. На этих запасах семья продержалась до следующей весны.

Надо подчеркнуть, что представленный выше «дачный габитус» был свойствен героям, которые приехали в город из деревни и работали на фабриках инженерами-технологами. Вообще дачная жизнь увлекала представителей очень разных слоев населения, однако не все проводили время за городом таким же образом. Совершенно другой «дачный габитус» советского времени изображают родители протагонистки. Они репрезентанты другой социальной группы, представители творческих профессий: ее отец — несостоявшийся писатель, литературный критик, редактор. Дочь вспоминает родителей как людей беспомощных: «За каждой мелочью звали каких-то работяг. Платили не торгуясь. Те пользовались, задирали немислимые цены». Они не испытывали тяги к земледельческому труду: на их участке не было огорода, все было запущено, вокруг дома росли лишь лебеда и крапива. Считая себя городскими жителями, они выражали мнение, что навык работать на земле не передан им в генах, он в некоторой степени унижен: «Мать кривилась: ‘Только этого не хватало: стоять кверху задницей над грядками!’». Отец, в свою очередь, оправдывался, ссылаясь на политические взгляды, и уверял, что не намерен участвовать в индивидуальном обеспечении семьи овощами, когда государство не справляется с продовольственной проблемой. В его понимании: «Заросший участок — безупречная гражданская позиция».

²¹ О. Малинова-Тзиафета, *(Пост)советские дачи...*, с. 360–361.

²² М. Артемьев, *Конец советского феномена: почему дачи оказываются «вне закона»*, <https://www.forbes.ru/obshchestvo/372127-konec-sovetskogo-fenomena-pochemu-dachi-okazyvayutsya-vne-zakona> (15.04.2022).

В описании времяпрепровождения этих персонажей в загородном доме Чижова иронически изображает интеллигентский этос дачной жизни. В послесталинские времена наступила смена приоритетов в «дачном габитусе» интеллигенции, обратившейся в прошлое за иной моделью поведения —

образцами стали радикально настроенные представители интеллигенции девятнадцатого века и/или «верные ленинцы» первых лет советской власти. [...] многие представители культурной элиты открыли заново и переосмыслили формы неофициального общения, оказавшегося столь продуктивным во второй половине девятнадцатого века²³.

Подмосковное Переделкино, как и Комарово недалеко от Ленинграда, несмотря на их различия, стали центрами загородного общения культурной элиты. Жизнь за городом породила новые формы социальности, способствовала внезапным визитам, давала возможность неофициальных встреч.

Так и в романе *Планета грибов* для родителей героини дача в основном была местом, где принимали гостей. Эти частые визиты знакомых, вспоминаемые протагонисткой, ассоциируются с заглавием незавершенного романа Александра Сергеевича Пушкина *Гости съезжались на дачу... (1828–1830)*²⁴, в котором петербургские аристократы после посещения итальянской оперы приехали в загородный дом, где беседуют о литературе и искусстве. В произведении Чижовой отец героини выдает себя за литератора: он издал лишь одну книгу, но каждый день на чердаке строчит на пишущей машинке пару страниц, единственным читателем которых оказывается его жена. Приезды гостей — представителей «культурной элиты» проходили всегда с ночевкой и сопровождалась угощением, обилием алкоголя и бурными дискуссиями, зачастую с употреблением нецензурной лексики. Эти беседы настолько раздражали героиню, что она накрывалась с головой одеялом, «лишь бы не слышать дурацких разговоров, пересыпанных интеллигентным матерком». Чижова указывает на своего рода девальвацию культурного истеблишмента, пытающегося имитировать

²³ С. Ловелл, *Дачники...*, с. 217.

²⁴ А. С. Пушкин, *Гости съезжались на дачу... // его же, Собрание сочинений в 10 томах*. Том 5. Романы, повести, ГИХЛ, Москва 1960. Электронная публикация — РВБ, 2000–2022, <https://rvb.ru/pushkin/01text/06prose/02misc/01misc/0872.htm> (10.04.2022).

своих предшественников начала века, но сходство это оказывается поверхностным.

Существенным свойством воспоминаний обоих персонажей о советской даче является отсутствие радостных, светлых или хотя бы положительных моментов, связанных с проживанием в загородном доме. Столь мрачный образ не характерен для воспоминаний о детстве и юношестве, относящихся к мирному времени и жизни в обеспеченной семье. Поколенческие конфликты, взаимное непонимание «отцов и детей» зачастую не столь радикально оттеняет память о беззаботном периоде жизни. В ретроспективах, представляющих жизнь в СССР, Чижова, как и в предыдущих своих романах, последовательно осуждает этот период, изображая его односторонне. Как заметила Елена Погорелая, романы писательницы нацелены на

[...] создание атмосферы, в которую Чижова погружает своего «собеседника», стремясь сообщить ему выстраданное ею самой представление о жизни, понимание того, что мир, где родились ее герои, советский мир — это то, что должно быть преодолено, то, с чем *мыслящему* и *страдающему* человеку невозможно смириться²⁵.

Чижова изображает в романе также дачи, посторенные в постсоветское время. Тогда, особенно в 1990-е гг. активно развивалось дачное строительство, что привело к принятию в 1996 г. указа Президента Российской Федерации «О реализации конституционных прав граждан на землю», после которого начался массовый отвод сельскохозяйственных земель под застройку²⁶. В этот период

[...] наряду с традиционными летними дачами появился новый тип загородного дома для круглогодичного проживания, который зачастую величали *коттеджем*, чтобы подчеркнуть его западное происхождение²⁷.

Власти выделяли в окрестностях больших городов большие территории для построек и уже к началу 2000-х гг. начали появ-

²⁵ Е. Погорелая, *В поисках озвученного времени. Елена Чижова*, «Вопросы литературы» 2010, № 3, с. 259.

²⁶ М.Н. Конфектов, *Картографирование типов застройки Подмосковья по космическим снимкам*. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата географических наук. Москва 2015, <https://www.dissercat.com/content/kartografirovanie-tipov-zastroiki-podmoskovya-po-kosmicheskim-snimkam/read> (22.04.2022).

²⁷ С. Ловелл, *Дачники...*, с. 257.

ляться коттеджные поселки, причем участки увеличились до 12 и более соток, а строительством занимались, как правило, частные компании²⁸. Изменениям в подходе к загородным домам способствовала возможность прописки — «Дача уже не рассматривается как неполноценный объект недвижимости, стирается различие между ней и просто жилым домом»²⁹.

Чижова на примере своей героини демонстрирует перемены как в способе строения и содержания дачи, так и в образе времяпровождения. Женщина часто ставит в противовес старому родительскому дому — свой новый коттедж в Репино. Пробывая на даче около Сосново, она невольно сравнивает условия и различные аспекты загородной жизни в новом доме. Изменения соответствуют трансформации постсоветской России. Протагонистка — добившаяся материального благосостояния предприниматель — подчеркивает свое социальное состояние, называя каждый раз местонахождение своего коттеджа — «Репино на Финском заливе», воспринимаемое петербуржцами как элитарная местность. Она вспоминает, что у агента недвижимости выбирала между Репино и тоже престижным Комарово, куда всегда стремился ее отец — литератор. Большой двухэтажный дом строила частная бригада, интерьеры были выполнены итальянским дизайнером. Рыночная система позволяла добиваться нужного комфорта без оглядки на решения и действия местных властей.

Меняется и концепция времяпровождения на даче. Героиня не занимается сельхозработами: у нее нет ни времени, ни охоты выращивать фрукты и овощи. Загородный дом — это для многих место отдыха, развлечений а для нее — постоянного жительства. На участке не предусмотрен сад, это в основном ее приют, убежище от работы и обязанностей: «[...] в памяти всплывает желтоватый ломтик, кусты, растущие вдоль ограды, клумбы, беседка, гостевой домик». За коттеджем и участком следят работники — семейная пара: «[...] бывший подполковник с супругой. Наташа готовит, убирает, стирает. Все остальное — он: сад, водопровод, электричество». Таким образом Чижова обращает внимание на возвращение к «усадебному габитусу», а это, в свою очередь,

²⁸ Е. В. Середина, *Трансформация дачного отдыха (Часть 1)*. «Вестник РМАТ» 2017, № 3, с. 129.

²⁹ М. Артемьев, *Конец советского феномена...*

приводит к мысли, что постсоветская дача стала наследницей дореволюционного имения³⁰.

В романе *Планета грибов* постсоветская дача — это явление, представляющее экономические и социальные процессы перехода к капитализму и отказа от наследия социализма³¹. Метафорой этих перемен послужил в произведении сад, о котором речь шла в телепередаче:

Голос диктора рассказывает о субботнике, который устроили в бывшем колхозном саду: «За прошедшие двадцать лет плодовые деревья мичуринских сортов, когда-то составлявшие славу и гордость колхоза-миллионера, выродились. Теперь, по решению «Единой России», на этом месте закладывают новый сад». Юноши и девушки — не то внуки колхозников, не то активисты молодежного отделения — несут тощие яблоньки, каждой из которых предназначена своя лунка.

Анализ романа *Планета грибов* приводит к выводу, что герои Чижовой представляют разные способы приспособления к новым экономическим и социальным условиям: она успешно входит в новую систему и добивается материального успеха, он — застрял в прошлом; мир, который создали его родители достался ему в пользование и, несмотря на отрицательное отношение к нему, герой неспособен двинуться вперед. Диагноз, поставленный писательницей российскому обществу, песимистичен: полная энергии, новых идей и жажды изменений героиня гибнет в автокатастрофе, а протагонист теряет надежду на новую жизнь и все больше погружается в мир советской дачи.

REFERENCES

Artem'yev, Maksim. "Konets sovet-skogo fenomena: pochemu dachi okazyvayutsya 'vne zakona'" [Артемьев, Максим. "Конец советского феномена: почему дачи оказываются 'вне закона'"] <<https://www.forbes.ru/obshchestvo/372127-konets-sovetskogo-fenomena-pochemu-dachi-okazyvayutsya-vne-zakona>>.

Bogdanova, Ol'ga. *Usad'ba i dacha v russkoy literature XIX–XXI vv. Topika — dinamika — mifologiya*. Moskva: IMLI RAN, 2019 [Богданова, Ольга. *Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв. Топика — динамика — мифология*. Москва: ИМЛИ РАН, 2019].

³⁰ О. Малинова-Тзиафета, *(Пост)советские дачи...*, с. 364.

³¹ Там же, с. 360.

- Burd'yë, P'yer. *Sotsial'noye prostranstvo: polya i praktiki*. Transl. Shmatko, Natalya. Sankt-Peterburg: Aleteya, 2014 [Бурдьё, Пьер. *Социальное пространство: поля и практики*. Перев. Шматко, Наталья. Санкт-Петербург: Алетейя, 2014]
- Caldwell, Melissa L. *Dacha Idylls. Living Organically in Russia's Countryside*. Berkeley: University of California Press, 2010.
- Chekhovskikh, Irina. *Gorodskiyе semeynyye strategii v neformal'noy ekonomike: trud na dache*. Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata ekonomicheskikh nauk, Sankt-Peterburg 2000 [Чеховских, Ирина. *Городские семейные стратегии в неформальной экономике: труд на даче*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук, Санкт-Петербург 2000].
- Chikil'dina, Anna. *Grazhdansko-pravovoy rezhim dachnykh, sadovykh i ogorodnykh zemel'nykh uchastkov*. Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata yuridicheskikh nauk, Volgograd 2010 [Чикильдина, Анна. *Гражданско-правовой режим дачных, садовых и огородных земельных участков*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук, Волгоград 2010] <<https://refdb.ru/look/2741312-pall.html>>.
- Chikil'dina, Anna. *Istoriya grazhdansko-pravovogoregulirovaniya otnosheniy v sfere vedeniya sadovodstva, ogorodnichestva i dachnogo stroitel'stva*. [Чикильдина, Анна. *История гражданско-правового регулирования отношений в сфере ведения садоводства, огородничества и дачного строительства*] <<http://domir.ru/rehkolovo/?file=sad-istoria.php>>.
- Chizhova, Yelena. *Planeta gribov*. Moskva: Izdatel'stvo AST, 2014 [Чиждова, Елена. *Планета грибов*. Москва: Издательство АСТ, 2014 <<http://www.flibusta.site/b/375191/read>>].
- Deotto, Patrizia. "Peterburgskiy dachnyy byt XIX v. kak fakt massovoy kul'tury." *Europa Orientalis* 1997, no. 16: 357–372 [Deotto, Patrizia. "Петербургский дачный быт XIX в. как факт массовой культуры." *Europa Orientalis* 1997, no. 16: 357–372].
- Deotto, Patrizia. "Dachnaya kul'tura v Serebryanom veke." *Europa Orientalis* 2004, no. 23: 335–348 [Deotto, Patrizia. "Дачная культура в Серебряном веке." *Europa Orientalis* 2004, no. 23: 335–348].
- Fuko, Mishel'. *Intellektualy i vlast': Izbrannyye politicheskiye stat'i, vystupleniya i interv'yu*. Transl. Skuratov, Boris. Ch. 3. Moskva: Praksis, 2006 [Фуко, Мишель. *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*. Перев. Скуротов, Борис. Ч. 3. Москва: Практикс, 2006].
- Fuko, Mishel'. *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk*. Transl. Vizgin Viktor, and Avtonomova, Natalya. Sankt-Peterburg: A-cad, 1994 [Фуко, Мишель. *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук*. Перев. Визгин, Виктор, and Автономова, Наталья. Санкт-Петербург: А-сэд, 1994].
- Halbwachs, Maurice. *Spoleczne ramy pamieci*. Transl. Król, Marcin. Warszawa: PWN, 1969.
- Kasatkina, Aleksandra. "Dachnaya idilliya Melissy Kolduell. REview of Melissa Caldwell. *Dacha Idylls. Living Organically in Russia's Countryside*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2011." *Antropologicheskij forum* 2012, no. 16: 453–460 [Касаткина, Александра. "Дачная идилия Мелиссы Колдуэлл. Рецензия на книгу: Melissa Caldwell. *Dacha Idylls. Living Organically in Russia's Countryside*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2011." *Antropologicheskij forum* 2012, no. 16: 453–460]

- ically in Russia's Countryside. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2011." *Антропологический форум* 2012, no. 16: 453–460 <https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/016/16_reviews.pdf>].
- Konechnyy, Al'bin. "Peterburgskiy dachi." *Антропологический форум*, 2005, no. 3: 444–474 [Конечный, Альбин. "Петербургские дачи." *Антропологический форум*, 2005, no. 3: 444–474]
- Konfektov, Mikhail. *Kartografirovaniye tipov zastroyki podmoskov'ya po kosmicheskim snimkam*. Avtoreferat dissertatsii na soiskaniye stepeni kandidata geograficheskikh nauk. Moskva, 2015 [Конфектов, Михаил. *Картографирование типов застройки Подмосковья по космическим снимкам*. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата географических наук. Москва, 2015 <<https://www.dissercat.com/content/kartografirovanie-tipov-zastroiki-podmoskovya-po-kosmicheskim-snimkam/read>>].
- Vita sovietica. *Neakademicheskii slovar' – inventar' sovet-skoy tsivilizatsii*. Lebedev, Andrey (Ed.). Moskva: Avgust, 2012 [*Vita sovietica. Неакадемический словарь – инвентарь советской цивилизации*. Лебедев, Андрей (Ed.). Москва: Август, 2012].
- Lotman, Yuriy. *Istoriya i tipologiya russkoy kul'tury*. Sankt-Peterburg: Iskusstvo – SPB, 2002 [Лотман, Юрий. *История и типология русской культуры*. Санкт-Петербург: Искусство – СПб, 2002].
- Lovell, Stephen. *Summerfolk: A History of the Dacha 1710–2000*. Ithaca: Cornell University Press, 2003.
- Lovell, Stiven. *Dachniki. Istoriya letnego zhil'ya v Rossii 1710–2000*. Sankt-Peterburg: Akademicheskii proyekt Izdatel'stvo DNK, 2008 [Ловелл, Стивен. *Дачники. История летнего жилья в России 1710–2000*. Перев. Семенова, Л. Санкт-Петербург: Академический проект Издательство ДНК, 2008]
- Lovell, Stiven. "Dachnyy tekst v russkoy kul'ture XIX veka." *Voprosy literatury* 2003, no. 3: 34–73 [Ловелл, Стивен. "Дачный текст в русской культуре XIX века." *Вопросы литературы* 2003, no. 3: 34–73].
- Malinova-Tziafeta, Ol'ga. "(Post)sovet-skiye dachi i dachniki, voobrazhayemye i real'nyye." *Novoye literaturnoye obozreniye* 2013, no. 6: 359–366 [Малинова-Тзиафета, Ольга. "(Пост)советские дачи и дачники, воображаемые и реальные." *Новое литературное обозрение* 2013, no. 6: 359–366] <https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/124_nlo_6_2013/article/10714/>].
- Pogorelaya, Yelena. "V poiskakh ozvuchennogo vremeni. Yelena Chizhova." *Voprosy literatury* 2010, no. 3 [Погорелая, Елена. "В поисках озвученного времени. Елена Чижова." *Вопросы литературы* 2010, no. 3] <<https://voplit.ru/article/v-poiskah-ozvuchennogo-vremeni-elena-chizhova/>>].
- Pushkin, Aleksandr. *Sobraniye sochineniy v 10 tomakh*. Tom 5. Romany, povesti. Moskva: GIKHL, 1960 [Пушкин, Александр. *Собрание сочинений в 10 томах*. Том 5. Романы, повести. Москва: ГИХЛ, 1960] <<https://rvb.ru/pushkin/01text/06prose/02misc/01misc/0872.htm>>].
- Rumjanzewa, Marina. *Auf der Datscha: eine kleine Kulturgeschichte und ein Lesebuch*. Zurich: Dorlemann, 2009.
- Seredina, Yelena. "Transformatsiya dachnogo otdykha (Chast' 1)." *Vestnik RMAТ* 2017, no. 3: 123–131 [Середина, Елена. "Трансформация дачного отдыха (Часть 1)." *Вестник РМАТ* 2017, no. 3: 123–131] <<https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-dachnogo-otdyha-chast-1>>].

- Shchukin, Vasilij. *Mif dvoryanskogo gnezda. Geokul'turologicheskoye issledovaniye po russkoy klassicheskoy literature*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1997 [Щукин, Василий. *Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1997].
- Soldra-Gwiźdź, Teresa. "Społeczne ramy zbiorowej pamięci rodziny." *Family Forum* 2013, no. 3: 115–130.
- Sternin, Grigoriy. *Russkaya khudozhestvennaya kul'tura vtoroy poloviny XIX nachala XX veka*. Moskva: Sovetskiy khudozhnik, 1984 [Стернин, Григорий. *Русская художественная культура второй половины XIX начала XX века*. Москва: Советский художник, 1984].
- Tsiv'yan, Tat'yana. "Dacha i dachniki v russkom predstavlenii. Predvaritel'nyye materialy" [Цивьян, Татьяна. "Дача и дачники в русском представлении. Предварительные материалы"] <https://studylib.ru/doc/3975812/dacha---institut-mirovoj-kul._tury-mgu>.
- Yeremin, Vasilij. "Vspominaya SSSR. Sovet-skiye dachi" [Еремин, Василий. *Вспоминая СССР. Советские дачи*] <<https://cont.ws/@eremin762/1295470>>.